

DOI: 10.23932/2542-0240-2020-13-4-3

Геополитические треугольники в контексте конкуренции традиционных и восходящих центров силы

Александра Викторовна ХУДАЙКУЛОВА

кандидат политических наук, доцент, кафедра прикладного анализа
международных проблем

Московский государственный институт международных отношений
(Университет) МИД России, 119454, проспект Вернадского, д. 76, Москва,
Российская Федерация

E-mail: khudaykulova@mgimo.ru

ORCID: 0000-0003-0680-9321

ЦИТИРОВАНИЕ: Худайкулова А.В. (2020) Геополитические треугольники в контексте конкуренции традиционных и восходящих центров силы // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. Т. 13. № 4. С. 53–73. DOI: 10.23932/2542-0240-2020-13-4-3

Статья поступила в редакцию 24.08.2019.

ФИНАНСИРОВАНИЕ: Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и АНО ЭИСИ в рамках научного проекта № 19-011-31389 «Традиционные и восходящие центры силы: дискуссии относительно суверенитета и управления конфликтами».

АННОТАЦИЯ. Геополитические треугольники играют важную роль в изменении соотношения сил на международной арене в контексте конкуренции между традиционными и восходящими центрами силы. В политическом дискурсе существует несколько различных интерпретаций понятия «треугольник». Формирование треугольников происходит при одновременном воздействии двух факторов: политической стратегии государств и геополитической ситуации. В статье исследуется конфигурация треугольников в постбиполярном мире. Особое внимание уделяется критериям выделения стран, лежащих в вершинах треугольника: это либо самые мощные государства (как традиционные, так и восходящие цен-

тры силы), либо так называемые опорные страны.

На фоне существования с 1970-х гг. стратегического треугольника США – Китай – Россия в настоящее время функционирует множество региональных треугольных схем, представляющих преимущественно восходящие центры силы, которые влияют не только на обеспечение безопасности и поддержание баланса сил в соответствующих регионах, но и на мировые процессы в целом. В статье представлен теоретический обзор треугольников с опорой на прикладной анализ стратегического треугольника США – Китай – Россия, а также двух региональных схем взаимодействия, имеющих важное значение для российской внешнеполитиче-

ской стратегии: Россия – Индия – Китай и Россия – Иран – Турция.

Взаимодействие в стратегическом треугольнике РФ – КНР – США анализируется в статье в политической сфере (в рамках ООН, международных институтов БРИКС, ШОС, ЕАЭС, инициативы «Один пояс – один путь»), в экономической и финансовой областях, с точки зрения развития инфраструктурного и научно-технического потенциала, а также военного потенциала и военных технологий. Для анализа применяется теоретическая схема Л. Диттмера.

В заключении делается вывод об идеальной конфигурации геополитических треугольников и о перераспределении силового потенциала традиционных и восходящих центров силы в рамках стратегического треугольника РФ – КНР – США.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: *геополитика, международная безопасность, трехсторонняя дипломатия, стратегический треугольник, региональные треугольники, миропорядок, национальные интересы, новая bipolarность*

Несмотря на то, что идея треугольного сотрудничества имеет давние концептуальные корни¹, первые разработки по проблематике стратегических треугольников в рамках международно-политической науки появляются в 1970-е гг. – тогда же, когда предпринимаются первые практические шаги по их формированию. 37-й президент США Ричард Никсон и его помощник по национальной безопасности Генри Киссинджер в определенной степени изменили традиционный вектор внешнеполитической стратегии

США, сделав ставку на американо-китайское сближение с расчетом оказать давление на политику Советского Союза [Kissinger 1979]. Решение о сближении с Китаем во многом стало результатом переговоров Г. Киссинджера во время двух его тайных поездок в Китай в 1971 г., а затем Р. Никсона в рамках первого официального визита в феврале 1972 г., ставшего по меркам того времени историческим событием. Ключевые принципы американо-китайского сближения были сформулированы в совместном Шанхайском коммюнике, в т. ч. заявление США противостоять любым попыткам СССР доминировать над КНР. В мае того же года президент Никсон совершил официальный визит в Москву, где были подписаны первое Соглашение об ограничении стратегических наступательных вооружений (ОСВ-1) и «Основы взаимоотношений между СССР и США», которые сформулировали основные принципы мирного сосуществования в советско-американских отношениях, вступивших в более сдержанную и предсказуемую фазу. Однако, несмотря на определенную разрядку, отношения между тремя государствами продолжали базироваться на непримиримой конкуренции.

Так, с легкой руки Никсона и в концептуальном оформлении Киссинджера был запущен механизм трехсторонней дипломатии и начал формироваться стратегический треугольник США – Китай – СССР, который, по логике американской стороны начала 1970-х гг., должен был ослабить позиции СССР и усилить советско-китайский раскол на фоне сближения США и Китая.

Формула американского лидерства в задумке Киссинджера выглядела довольно просто и заманчиво: «Наши от-

¹ Например, в опубликованной в 1896 г. работе Исмаила Гаспринского «Русско-восточное соглашение» был обоснован концепт взаимовыгодного сближения России как с Турцией, так и с Персией.

ношения с возможными оппонентами должны быть такими, чтобы наши возможности в отношениях с ними были более значительными, чем их возможности в отношениях между собой» [Kissinger 1979, p. 169].

Треугольные альянсы времен холодной войны характеризовали суть равновесной политики сверхдержав, которые на фоне нарастания напряженности поступательно смещали свои интересы на периферию системы. Это создавало благоприятные условия для создания региональных союзов, партнерств и разного рода «фигурных» форматов балансирования с участием восходящих центров силы, например, триада отношений Пакистана, Индии и Китая в Южной Азии; Ирана, Ирака и Саудовской Аравии на Ближнем Востоке; Аргентины, Бразилии и Чили в Латинской Америке. В этом смысле многие треугольники эпохи биполярности имели преимущественно региональный характер, однако инициировались по-прежнему сверхдержавами [Юртаев 2017].

С начала 2000-х гг. по мере ослабления однополярности концепт треугольников обрел второе дыхание, во многом благодаря динамике отношений внутри треугольника США – Китай – Россия, что заставило многих экспертов вернуться к забытой теме и попытаться спроецировать опыт треугольников времен холодной войны на современные реалии в контексте конкуренции традиционных и восходящих держав. Так, новое звучание обрели трехсторонние взаимодействия в рамках множества треугольников, зачастую асимметричных: Россия – Индия – Китай, США – Китай – Индия, Россия – США – Япония, Китай – Япония – Южная Корея, Индия – Мьянма – Китай и др. В международных отношениях присутствуют разные конфигурации треугольных взаимосвязей, мно-

гие из них недолговечны, т. к. подобные схемы взаимодействия подвержены влиянию региональной и международной обстановки и во многом зависят от общей структуры взаимодействия на международной арене. Однако, несмотря на внушительные подвижки в расстановке сил в мире, треугольник США – Китай – Россия по-прежнему сохраняет свою значимость с точки зрения определяющего влияния на всю систему международных отношений в долгосрочной перспективе.

Современный миропорядок характеризуется крайне сложной моделью функционирования, разноформатными интеграционными трендами [Байков 2017], а также обострением противоречий между традиционными и восходящими центрами силы [Худайкулова 2016]. Возможно ли объяснить столь сложные процессы через великодержавное треугольное взаимодействие? Каков основной принцип треугольников – равносторонность или неравномерность? Какие существуют тенденции в развитии отношений в треугольниках и как будет складываться баланс сил в будущем? В состоянии ли треугольники оказывать направляющее воздействие на международные процессы?

Треугольники в международной политике: теоретический ракурс и развитие

Диапазон оценок треугольных схем как инструмента геополитического балансирования разнится от негативных, описывающих последних в терминах анахронизма и скорее стремления, нежели чем реальности, до явно восторженных, предрекающих им новую жизнь в силу их решающего влияния на всю систему между-

народных отношений. Так, Л. Бобо полагает, что современные треугольники представляют собой довольно наивные и идеалистические схемы, которые изначально обречены на провал. Настоящий стратегический треугольник требует наличия трех сторон, которые, если и не равны, то являются достаточно сильными и достаточно вовлеченными в трехсторонние отношения, чтобы оказывать на них существенное влияние. Автор приходит к выводу, что в современной международной политике пример стратегического треугольника отсутствует вовсе [Бобо 2010].

Есть и более сдержанные характеристики, согласно которым трехсторонние формы сотрудничества в реальности чаще всего представляют собой систему «сдержек и противовесов», а не баланса сил [Заиченко 2010]; «треугольная» логика развития геополитических процессов является лишь одной из многих, действующих одновременно [Елацков 2015]; «треугольный штамп» – это, скорее, конъюнктурное применение данной модели [Троицкий 2003].

Столь большой разброс объясняется среди прочего наличием разных подходов к пониманию и интерпретации данной модели, которая отличается амбивалентностью. В самом общем виде треугольники определяются как неформальная функциональная модель тесных и взаимозависимых отношений трех государств (вершин или опорных точек треугольника) с собственной логикой развития (триады) в виде кооперационного или конфликтного поведения. Стратегический треугольник отличается военно-стратегической взаимозависимостью безопасности каждой из трех сторон от отношений двух других. В этом смысле под стратегическим треугольником традиционно понимались отношения

США – КНР – СССР. Еще в 1970-х гг., в самом начале пути концептуального анализа треугольников, Л. Диттмер прогнозировал, что стратегический треугольник СССР – США – Китай имеет непосредственное значение для всех государств и будет оказывать решающее влияние на международные отношения в долгосрочной перспективе.

Как правило, вершины треугольника – это самые мощные в мире или регионе державы, баланс сил в отношениях которых сложился исторически и сохраняется в течение продолжительного времени в рамках динамического равновесия. Так, например, данная схема применима к Азии, где традиционно выделяются ведущие игроки как центры силы, отношения между которыми и определяют баланс сил. Например, Китай, Индия и Пакистан составляют важный треугольник в Южной Азии, который отличает логика асимметрии. Многолетняя ось взаимодействия между Китаем и Пакистаном в виде стратегического альянса противопоставлена Индии. Китай рассматривает Индию как сильного в регионе конкурента. Пакистан выступает ближайшим региональным союзником Китая. Оба государства проводят политику сдерживания Индии.

На Ближнем Востоке такими государствами выступали страны – лидеры зоны Персидского залива: Ирак (до 2003 г.), Саудовская Аравия и Иран, соперничавшие за лидерство в регионе. Война в Ираке 2003 г. нарушила традиционную систему баланса и спровоцировала новую расстановку сил. Ирак временно выбывает из борьбы за региональное лидерство, образовавшийся вакуум стремятся заполнить США. Сейчас баланс сил в регионе поддерживается искусственно, довольно высокая степень региональной нестабильности. После частичного снятия санкций

с Ирана в 2016 г. делались прогнозы относительно усиления его роли как регионального актора в военно-политическом и экономическом плане и нового изменения баланса сил в зоне Персидского залива. Это те опорные точки, опираясь на которые можно сместить баланс сил в свою пользу, нарушив тем самым существующий баланс сил. Г. Киссинджер рассматривает треугольники как раз в рамках второго подхода в контексте сохранения американского лидерства (т. е. нарушения баланса сил и одностороннего доминирования США). Но этот подход не следует рассматривать как единственно возможный.

Треугольники, как правило, отличаются пространственно-силовым характером. Региональные игроки заинтересованы в пространственном транслировании своей мощи в конкретный регион или субрегион. Формирование треугольника на базе пространственно-географического принципа способно обеспечить им неоспоримые преимущества в виде контроля над стратегически важными территориями, ресурсами и пр. Например, задумывавшийся и оставшийся лишь в теории треугольник безопасности Индийского океана (Австралия – Иран – ЮАР) иллюстрирует интерес шахского Ирана (до 1979 г.), претендовавшего на роль силового центра в регионе, продвигаться в Индийском океане, вплоть до ЮАР. Шахский Иран рассматривался США в качестве «жандарма региона» и одновременно был призван выполнять роль центрального игрока в треугольнике. ЮАР выступала «гарантом» подступов к острову Диего-Гарсиа, где создавалась американская военная база. Сам же шахский

Иран, совместно с ведущими странами региона, должен был обеспечивать развитие, безопасность и оборону стран бассейна Индийского океана как «безъядерной зоны» и в рамках планировавшегося «общего рынка» прибрежных государств Азии, Африки и Океании. Исламская революция 1979 г. не изменила фундаментальную озабоченность Ирана (и США) по обеспечению региональной стабильности в целях гарантий поставок нефти, но изменила роли игроков. Поэтому «желание США иметь Иран гегемоном в Персидском заливе исчезло вместе с шахом» [Юртаев 2017].

В этом контексте любопытна концепция так называемых опорных государств (англ. *pivot states*), обладающих военными, идеологическими и экономическими активами и находящимися на пересечении сфер влияния великих держав. Оснований для классификации государства в качестве опорного может быть несколько: идеологический фактор (Куба, Иран, Украина), переход из сферы влияния одной великой державы к другой (Грузия, Ирак) и др.² Хотя к опорным государствам не обязательно относятся лидеры по объему экономической и военно-политической мощи, контроль над ними оказывается стратегически важен для смещения регионального баланса сил.

Формирование треугольников происходит при одновременном воздействии двух факторов: политической стратегии государств и геополитической ситуации. Для создания треугольника необходимы три базовых компонента: 1) есть возможность ограничить участников отношений только тремя разумными автономными актора-

2 22 опорных государства географически распределены по пяти основным кластерам: Карибский бассейн (Венесуэла и Куба); Восточные границы Европы (Украина и Грузия); Ближний Восток (Египет, Сирия, Ирак, Иран, Кувейт, Саудовская Аравия, ОАЭ, Оман и Джибути); Центральная Азия (Казахстан, Узбекистан, Афганистан, Пакистан и Монголия); Юго-Восточная Азия (Мьянма, Таиланд, Индонезия и Австралия) [Sweijts et al. 2014].

ми; 2) бинарное отношение между любыми двумя из них зависит от их отношений с третьим; 3) каждый актер активно стремится привлечь одного или обоих остальных к сотрудничеству, препятствовать их враждебному сговору и продвигать собственные интересы [Dittmer 1981]. То есть предполагается, что при создании треугольника происходит влияние интеракций двух сторон на третью при одновременном влиянии со стороны последней при наличии серьезных опасений у каждой из них оказаться в изоляции из-за сближения между двумя другими. Если одна из сторон быстро укрепляет свои позиции и набирает слишком много веса, то две другие, скорее всего, будут объединяться в ось, чтобы компенсировать эту ситуацию и уравновесить влияние первой. Любой стороне всегда приходится сохранять высокую бдительность касательно двусторонних отношений между двумя другими.

С точки зрения структуры треугольники бывают симметричными и асимметричными. Симметричные треугольники состоят из государств, которые либо все являются великими державами, либо все – средние и малые. Асимметричные треугольники в свою очередь характеризуются неравным распределением мощи между сторонами и подразделяются на бицентричные (англ. *bicentric*) и одноцентричные (англ. *unicentric*) типы. В бицентричном треугольнике силы не равны, т. к. присутствуют две великие державы и одна второстепенная. Одноцентричный треугольник состоит из одной великой державы и двух второстепенных. Однако данные структуры не могут считаться раз и навсегда заданными, в треугольник может быть вовлечен актер с нечетким статусом, а мотивация действий может варьироваться в зависимости от множества эндогенных факторов.

М. Партем выдвигает созвучную с концептом треугольников теорию «буферного государства», согласно которой треугольная схема может возникнуть в случае, когда два государства примерно равны по силе и влиянию, а третье им значительно уступает по степени мощи, являясь «буфером» между ними. При этом буферное государство независимо, а два других – соперники в борьбе за влияние на это государство [Partem 1983].

Успешность взаимодействия сторон в треугольнике зависит от соблюдения ряда условий, в первую очередь включающих: 1) соизмеримость потенциалов участников треугольника; 2) сопоставимость интенсивности и однородности взаимодействия между этими участниками; 3) определенную замкнутость системы отношений внутри треугольника, самодостаточность относительно внешнего мира [Троицкий 2003]. Как верно полагает М. Троицкий, однородность взаимодействия в рамках треугольника подразумевает сходный характер проблем, стоящих на повестке дня отношений между всеми тремя участниками схемы. В этом смысле, по мнению М. Троицкого, в отношениях России с США и Западной Европой не применима «логика треугольника», т. к. не выполняются необходимые условия – интенсивность и однородность отношений России с Западом значительно уступает трансатлантическому взаимодействию.

Г. Киссинджер выделял две основные формы треугольного взаимодействия, дружескую и соперническую, от соотношения которых зависит, как будет выглядеть трехстороннее взаимодействие. Сложные взаимоотношения внутри треугольников он сводил к четырем возможным фигурам: «друзья», «враги», «центр – фланги», «партнеры – изгой».

Структура «друзья» более выгодна, чем структура «враги», т. к. большее количество друзей в треугольнике ведет к улучшению положения стороны в структуре. Все три стороны становятся «друзьями» тогда, когда каждая рассматривает двух других как стремящихся к совместной работе. Структура «партнеры – изгой» предполагает ситуацию, в которой партнеры поддерживают «дружеские» отношения друг с другом и настраивают своего партнера против общего «соперника». В 1950-е гг. партнерство Москвы и Пекина и антагонизм в отношениях с США создали структуру «партнеры – изгой», в которой США противостояли блоку двух коммунистических гигантов, СССР противостоял США для того, чтобы поддержать партнерство с Китаем. Наличие общего соперника подталкивало Китай и СССР к укреплению своего партнерства. Киссинджер грамотно полагал, что самое выгодное, но не всегда достижимое, – положение «центра», который сохраняет «дружеские» отношения с двумя другими «флангами» («крыльями»). «Центр» сможет поддерживать свой статус и выгодное положение при условии наличия неприязни между «крыльями», т. к. это исключает возможность их «дружбы» против «центра». «Фланги» при таком раскладе будут пытаться заручиться поддержкой «центра», который в свою очередь будет провоцировать панику в их рядах, приближая то одну, то другую сторону.

В 1970-е гг. начал формироваться стратегический треугольник США – СССР – Китай, в котором три стороны выступали как автономные величины, между которыми действовали разные комбинации отношений соперничества и сотрудничества. Наряду с совпадающими, у сторон были свои автономные интересы: у США – избежать противоборства с двумя другими одновремен-

но, у СССР – демонстрировать Вашингтону свою «руководящую роль» в мировом коммунистическом движении, у Китая – самому участвовать в решении всех вопросов, относившихся к сфере его интересов (Корея, Тайвань, Индокитай, Тибет), без патронажа со стороны Москвы [Кременюк 2012, с. 36]. США, по сути, воспользовались ситуацией настороженности китайского руководства в отношении СССР, им было важно обеспечить собственное преимущество за счет поддержания лучших отношений с Китаем и СССР, чем допустить их сближение даже несмотря на объединяющий их идеологический фактор. Такая позиция США не отличалась неуязвимостью, требовала дипломатического искусства и ресурсов для поддержания баланса.

Вашингтон сместил акцент в сторону маневрирования сторон друг против друга при невозможности взаимного уничтожения. Соединенные Штаты обрели возможность играть роль «балансира» этих отношений. В каких-то вопросах они демонстрировали близость с СССР (контроль над стратегическими вооружениями и поддержание баланса в Европе), а в каких-то – неизмеримо большую близость с Китаем (положение в Восточной Азии, поддержка китайской экономической реформы, отношения с Вьетнамом, положение в Юго-Восточной Азии) [Кременюк 2012, с. 37].

Треугольники отличаются достаточно высокой степенью гибкости, подвижки в сближении между двумя сторонами в противовес третьей могут происходить на краткосрочной основе, создавая разные конфигурации. На конец 1970-х гг. приходится окончательное становление треугольной схемы взаимодействия США – Китай – СССР, которая начала формироваться на основе сближения США и Китая при ярко выраженной антисоветской направленности. Однако по мере раз-

вития американско-китайских отношений все очевиднее проявлялось стремление сторон к самостоятельности на фоне противоречий и неразрешимости многих вопросов, при этом важнейшим препятствием на пути к финальной нормализации американско-китайских отношений был вопрос о статусе Тайваня. В 1980-е гг. Китай начинает приобретать черты «центра», пытаясь переместить США и СССР на «фланговые» позиции и поддерживать дистанцию между обоими, используя их неприязнь и недоверие.

Стратегический треугольник США – Китай – Россия: отзвуки прошлого или новое звучание политики равновесия?

В современных обстоятельствах треугольник США – Китай – Россия в том виде, в каком он существовал ранее, ушел в прошлое. По сравнению с холодной войной влияние треугольника на международную политику утратило абсолютный характер. Однако его воздействие сохраняется, пусть и не в глобальном масштабе, как до конца 1990-х гг., но по-прежнему в стратегическом ключе. Взаимодействие сторон не носит абсолютного характера, т. к. не покрывает всю повестку и географию. АТР выступает основным полем пересечения интересов держав. Многие нерешенные вопросы локализованы в Северо-Восточной Азии (территориальные споры между Японией и Китаем, Японией и Россией, Южной Кореей и Россией, территориальная целостность Китая из-за неразрешимости проблемы Тайваня, напряженность на Корейском полуострове, отсутствие мирных договоров между США и Северной Кореей, Россией и Японией). Взаимодействие также простирается на Центральную Азию, Ближний Восток и другие регио-

ны, где многие проблемные узлы являются прямым отголоском наследия холодной войны.

Все три державы придерживаются схожих или близких взглядов на главные задачи современного мира, не декларируют намерения использовать силу для изменения сложившейся ситуации и готовы в разной степени к сотрудничеству на базе существующих общепринятых принципов [Кременюк 2012, с. 38].

Внутри треугольника между тремя крупнейшими мировыми державами, которые не являются ни стратегическими союзниками, ни откровенными противниками, не наблюдается равенства и симметричности. Асимметрия между ними сегодня присутствует по многим показателям и во многих сферах, что дает основания многим экспертам сомневаться в самой сути и возможности подобного формата. Китайский эксперт Ч. Хуашэн отмечает в этой связи, что при заключении китайско-российского союза США будет восприниматься в качестве открытого врага, поэтому стороны от этого воздерживаются, оставаясь в рамках партнерства [Хуашэн 2019].

Все три государства треугольника входят в состав постоянных членов СБ ООН, что обеспечивает им равные права с точки зрения голосования. Ситуация с вето в СБ ООН отражает неравномерность его использования: в период с 2010 по 2014 г. Россия использовала данное право 5 раз, США – 1, КНР – 4. С 2015 по 2018 г. ситуация выглядит следующим образом: РФ – 11, США – 2, КНР – 2, что во многом объясняется переговорами вокруг сирийского конфликта. Однако сильная диспропорция присутствует в страновых квотах при голосовании в МВФ: США – 16,471%, РФ – 2,586%, КНР – 6,068%.

Отсутствие симметричных показателей наблюдается главным образом в

экономике, где конкуренция происходит между США и Китаем, отбрасывая Россию в список аутсайдеров. Экономический рост Китая за последние два десятилетия определяющим образом повлиял на его международный потенциал и конфигурацию в треугольнике. Так, по абсолютному размеру ВВП, подсчитанному по ППС, Китай с 6-го места в 1991 г. вышел на 1-е место в 2014 г., открыв «Век Китая» и сместив на 2-е место США³. Россия с 3-го места в 1991 г. «упала» в 1999–2000 гг. на 10-е место, после чего поступательно возвращала утраченные позиции, вернувшись к 2003 г. на 6-е место.

По показателю научно-технического потенциала наметился тренд по сближению позиций Китая и США. Уже в краткосрочной перспективе можно ожидать, что расходы Китая на НИОКР (3% – 2000 г., 16% – 2015 г.) сравняются с аналогичными показателями США (26% – 2000 г., 20% – 2015 г.). Динамика доли стран в мировом высокотехнологичном экспорте показывает растущее лидерство Китая (уже более четверти мирового экспорта) на фоне снижения доли США (с 17% в 2000 г. до 7% в 2015 г.), тем не менее КНР еще далеко до США по показателям НТП и эффективности расходов на НИОКР. На фоне столь высоких показателей более чем скромно выглядит позиция России – неизменные 2% (хотя и с вдвое большим объемом – 21,6 млрд долл. США в 2000 г. и 40,6 млрд долл. США в 2015 г.). Динамика доли стран в мировом высокотехнологичном экспорте показывает растущее лидерство КНР (уже более четверти мирового экспорта), снижение доли США (с 17% в 2000 г. до 7% в 2015 г.). Россия находится на 30-м ме-

сте (при этом доля страны в мировом экспорте увеличилась с 0,3% в 2010 г. до 0,5% в 2014 г.)⁴.

Наконец, военный потенциал сторон также демонстрирует весьма любопытные результаты для балансирования внутри треугольника. Доля США в мировых военных расходах в 2000-е гг. немного увеличилась (с 40% в 2000 г. до 46% в 2010 г.), однако к 2017 г. данный показатель снизился до 35%. КНР демонстрирует по данному показателю поступательный рост: в 1990 г. – всего 2%, в 2000 г. – 4%, в 2010 г. – 8% (2-е место после США), 2017 г. – 14% (по-прежнему уступая только лишь США). Доля СССР на пике могущества в 1990 г. составляла всего 14% (показатель, который КНР достиг в 2017 г.). Россия неизменно входит в десятку стран-лидеров, демонстрируя тенденцию к росту (10-е место (2%) в 2000 г., 8-е место (3%) в 2010 г., 6-е место (3%) в 2017 г.). С точки зрения подсчета расходов на оборону стран мира по ППС ситуация выглядит несколько иначе. Доля США в мировых военных расходах все также достигает максимального показателя в 2010 г., но составляет он уже не 46%, а 31%, сократившись к 2017 г. до 22%. При этом показатель военных расходов КНР увеличивается до 16% и в краткосрочной перспективе будет сопоставим с показателем США⁵.

Однако по ряду военных технологий РФ и КНР бросают вызов США, чей военный бюджет по-прежнему превышает суммарный бюджет следующих в списке лидеров-стран). В ходе слушаний в Конгрессе США в мае 2018 г. начальник штаба сухопутных войск США генерал М. Миллей доказывал, что военные бюджеты США, КНР и РФ на са-

3 World Development Indicators. Databank // The World Bank // <http://databank.worldbank.org/data/>, дата обращения 25.08.2020.

4 World Development Indicators: Science and Technology // The World Bank // <http://wdi.worldbank.org/table/5.13>, дата обращения 25.08.2020.

5 SIPRI Military Expenditure Database // SIPRI // <https://www.sipri.org/databases/milex>, дата обращения 25.08.2020.

мом деле не так сильно отличаются при расчете по паритету покупательской способности и учету стоимости рабочей силы. Более того, если вычесть расходы на содержание военного персонала, то военный бюджет США составит около 356 млрд долл. США, что меньше военного бюджета КНР, рассчитанного по ППС.

По численности вооруженных сил США опустились с 3-го места в 1990–2010 гг. на 5-е место в 2016 г. Китай лидировал по данному показателю в 2010 г., уступив 1-е место Индии в 2016 г.⁶ Россия занимает 4-е место. Со времен холодной войны США остаются единственной страной в мире с точки зрения глобального военного разветывания. Неожиданно выглядит статистика по участию в миротворческих операциях. По состоянию на конец 2017 г. Россия и Китай участвовали лишь в 9 операциях, правда, с разным миротворческим контингентом – 90 и 2 486 человек соответственно. США имеют всего 50 миротворцев в миссиях ООН, но около 10 тыс. человек в операциях НАТО в Афганистане и Косово [SIPRI 2018, р. 108]. Анализ финансирования миротворческих операций ООН показывает стабильное лидерство США (28,47%), выход на 2-е место КНР (10,25%) и 7-е – России (3,99%).

Баланс сил в треугольнике изменился, как и двусторонние оси взаимодействия. Однако каждая из сторон треугольника продолжает незримо сохранять присутствие в двусторонних отношениях двух других, хотя и не в состоянии реально влиять на их поведение.

По данным недавно опубликованного коллективного исследования, проведенного с использованием количественной методологии для измерения интенсивности взаимодействия сторон внутри треугольника, в 2014 г. наиболее плодотворное двустороннее сотрудничество имело место между Китаем и США, с особо активными связями в экономической и гуманитарной сферах. В целом отношения США – КНР и КНР – РФ были сопоставимы друг с другом в противовес сотрудничеству РФ – США, которое не могло с ними конкурировать. Авторы пришли к выводу, что по состоянию на 2014 г. формула Киссинджера по сохранению американского лидерства выполнялась. Вашингтону удавалось сохранять отношения с Москвой и Пекином суммарно более тесными, чем связи последних друг с другом, хотя уровень комплексного взаимодействия РФ и КНР практически сравнялся с уровнем взаимодействия США и КНР [Бадрутдинова и др. 2017].

Если поместить полученные результаты в теоретический каркас Л. Диттмера, современное состояние отношений между США, РФ и КНР можно назвать «романтическим треугольником»⁷, где стержневым игроком отныне выступает Китай. В постбиполярный период наибольший выигрыш от сохранения треугольной логики получил именно Китай, который смог улучшить свои отношения с Россией и США при повышении градуса напряженности российско-американского диалога.

6 Armed Forces Personnel, Total // The World Bank // <https://data.worldbank.org/indicator/MS.MILT.TOTL.P1>, дата обращения 25.08.2020.

7 Л. Диттмер описывает четыре возможных конфигурации треугольника: «треугольник всеобщего вето» (англ. unit-veto triangle), который подразумевает взаимный антагонизм между тремя сторонами; «стабильный брак» (англ. stable marriage) – позитивные отношения между двумя сторонами, каждая из которых негативно относится к третьей; «романтический треугольник» (англ. romantic triangle) – существует стержневой «игрок», имеющий положительные связи с двумя другими, которые в свою очередь слабо связаны друг с другом или находятся в состоянии вражды; «тройственный союз» (фр. ménage à trois) – крепкие позитивные отношения между тремя сторонами [Dittmer 2014].

В XXI веке международные усилия Китая направлены на создание привлекательного образа страны, в т. ч. через инициативу «Один пояс – один путь» и не менее амбициозную концепцию «общего будущего человечества». Китай активно заявляет о необходимости восстановления гармонии в международной политике. В его логике гармоничного мира сближение любых двух сторон в стратегическом треугольнике не приводит к противостоянию с третьей.

На сегодняшний день в связи с отставанием России по совокупности показателей, можно говорить о смене конфигурации в стратегическом треугольнике. Россия становится на место Китая эпохи биполярности: слабости экономическо-финансовой ситуации компенсируются эффективностью дипломатии и присутствием в ключевых конфликтных зонах в качестве активного посредника. Россия вынуждена лавировать между Китаем и США, одновременно пытаясь продвигать новые конфигурации за рамками треугольника (БРИКС, ШОС, ЕАЭС).

При этом Китай встает на место США – его отношения с Россией и Америкой по отдельности лучше, чем отношения между США и РФ. Благодаря экономическому росту, увеличению масштабов внешней помощи, а также тесным отношениям с Россией и США, Китай обеспечивает себе благоприятные условия не только для продолжающегося устойчивого развития, но и для расширения своего влияния на международном уровне.

При более или менее понятной динамике китайско-российских отношений единое видение развития оси китайско-американского взаимодействия отсутствует. Согласно первому подходу, даже при отсутствии агрессивных устремлений со стороны Вашингтона и Пекина обе стороны будут вынуждены усиливать конкуренцию в связи

с невозможностью достоверно определять мотивы друг друга и на фоне наращивания наступательных потенциалов. В этом смысле американский политический истеблишмент, пронизанный идеями наступательного реализма (в частности, работах Дж. Миршаймера), уверен, что дальнейший подъем Китая не может быть мирным в условиях геополитической дуэли США и Китая. И даже дальнейший рост финансово-экономической взаимозависимости двух стран не в состоянии затормозить дугу нестабильности, которая не исключает даже сценария военного конфликта. Другой подход содержит более сдержанный прогноз и основывается на приоритете широкого торгового и финансово-экономического сотрудничества двух стран над их геополитическими противоречиями. И в этом смысле любые попытки обосновать возможность глобального конфликта КНР и США беспочвенны. Очевидно, что и в среднесрочной перспективе двусторонний трек отношений США – Китай будет определяться формулой «взаимодействие в противоборстве».

В этом смысле концепт «мягкой биполярности» с опорой на американо-китайскую ось взаимодействия/соперничества в определенной степени может определять возможную конфигурацию треугольника и, в какой-то степени, миропорядка.

Палитра региональных треугольников: возможности эффективного балансирования

Помимо большого стратегического треугольника США – Китай – Россия, существует немало форматов региональных треугольников, взаимодействие в которых не всегда происходит по предложенной Киссинджером схеме. Напротив, региональные форма-

ты треугольников отличаются наличием общих для всех трех сторон интересов и конфигураций, которые, как правило, отражают кооперационную модель поведения даже при несовпадении геостратегических интересов.

С 1998 г. Россия, Индия и Китай начали постепенно продвигаться к созданию треугольной оси РИК, которая первое время воспринималась как некая виртуальная комбинация, но со временем переоплотившаяся в реальный конструктор. Российская инициатива по созданию треугольника РИК была выдвинута в 1998 г. вслед за подписанием годом ранее российско-китайской Декларации о многополярном мире и формировании нового международного порядка. Премьер-министр РФ Е.М. Примаков в неофициальной обстановке в ходе визита в Индию озвучил мнение о «желательной необходимости» формирования триалога в составе России, Индии и Китая для координации политической корректировки. Инициатива была встречена весьма настороженно и сдержанно, если не сказать скептически, в т. ч. потенциальными союзниками по треугольнику. Индия осторожно заявила, что официального предложения о создании союза не поступало. Китай, рассчитывающий в тот период на расширение объемов западных инвестиций, отреагировал более резко, заявив, что, выступая за сотрудничество с Россией и любыми другими державами, он не собирается вступать с ними в блоки или альянсы. Индии и Китаю понадобилось время, чтобы оформить собственное видение возможного трехстороннего сотрудничества. Формирование тройственного союза происходило в силу изменений геополитической ситуации, которые подталкивали стороны к более тесному взаимодействию. Сомнения относительно реальности и эффективности будущего треугольника сводились, сре-

ди прочего, к следующим факторам: сохраняющийся дисбаланс между политической повесткой и довольно низкими показателями сотрудничества по другим направлениям; слабый экономический фундамент; возможный уклон в сторону двустороннего диалога на фоне большой заинтересованности Индии и Китая в российских военных поставках, а России – в инвестициях и технологиях своих партнеров; фактор США для Индии и Китая как главного торгового партнера.

Идеология неформализованного треугольника опиралась на единство повестки дня, близость интересов и задач сторон, а также необходимость создания противовеса западному влиянию, хотя официально все три стороны декларировали, что их союз не направлен против внешней стороны и не носит антизападного характера. Формирование треугольника происходило при широкой экспертной поддержке. С 2001 г. начали проводиться ежегодные заседания по обсуждению наиболее приемлемых форм совместной работы. В 2008 г. состоялся геостратегический семинар РИК по формуле «Трек 2 плюс 1» с участием как экспертного сообщества, так и дипломатического корпуса. С 2000-х гг. треугольник перешел из разряда инициатив в политическую реальность. Первые встречи «тройки» на межправительственном уровне, главным образом с участием глав МИД, проходили на полях ГА ООН, Совещания по взаимодействию и мерам доверия в Азии, G20, затем на территории одного из государств-членов. Первый саммит лидеров трех государств состоялся в 2006 г. в Петербурге в рамках G8, результатом которого, среди прочего, стало создание БРИКС. Следующая встреча первых лиц состоялась лишь в 2018 г. на полях саммита G20 в Буэнос-Айресе.

Несмотря на схожесть позиций по многим сюжетам международной по-

вестки и развитие трехстороннего сотрудничества по восходящей линии, треугольник, априори создававшийся как модель сотрудничества, не лишен конкурентного начала. Утверждение российского политолога М.Ю. Панченко от 2009 г., что «с учетом претензий на геополитическое лидерство России, Индии и Китая, их можно рассматривать скорее как потенциальных стратегических конкурентов, чем союзников» [Панченко 2009, с. 5], соответствует реалиям 2019 г. Несмотря на то, что данная модель треугольника в схеме Киссинджера описывает структуру «друзья», ни одна из сторон не готова быть на второстепенных ролях. Китай и Индия делят между собой пальму первенства в Азии. Все три государства так или иначе претендуют на мировое лидерство. Индия является одним из очевидных претендентов на членство в СБ ООН. Несмотря на то, что все пять постоянных членов СБ крайне осторожно высказываются относительно возможного расширения СБ, в 2014 г. Россия открыто поддержала кандидатуру Индии, что вряд ли отвечает интересам Китая. Индия все больше опирается на стратегическое партнерство с США. Между Индией и Китаем присутствует соперничество за лидерство в Южной и в Юго-Восточной Азии, сложными остаются приграничные вопросы. По-прежнему ощутимы различия в подходах России и Китая к сотрудничеству со странами Центральной Азии, особенно в энергетической отрасли, которая все больше включается в зону интересов Китая, в частности по линии инициативы «Один пояс – один путь». Наконец, до сих пор существуют территориальные споры в индийско-китайских отношениях.

Десять лет назад на экспертном уровне выдвигались три возможных сценария дальнейшего развития РИК как управленческого триумvirата в

АТР: 1) пессимистический (перспектива развития РИК отсутствует в силу обострения внутренних противоречий за мировое и региональное лидерство, максимизация мощи Китая способна подтолкнуть Россию и Индию блокироваться с США и Западом для сдерживания Китая); 2) оптимистический (перспектива укрепления РИК во всех областях управления АТР более чем реальна, что в перспективе создаст почву для формирования политического союза); 3) умеренно-оптимистический (перспектива сохранения статус-кво в виде «партнерства без союзничества» исключительно на базе прагматизма) [Панченко 2009, с. 8–9].

Сегодня РИК – это крупнейшие «поднимающиеся» страны мира, совокупное население которых составляет 40% мирового и на которые приходится 20% мирового ВВП. РИК становится реальной политической конструкцией, в которой каждая из трех стран не направляет свои интересы против других двух стран. Стороны заявляют о своей заинтересованности в его расширении, возможно, даже при подключении Ирана. Однако все три стороны придерживаются умеренно-оптимистического сценария развития. К 2019 г. треугольник смог преодолеть часть внутренних противоречий по линии двусторонних осей, поступательно продвигается к равностороннему взаимодействию. Так, например, в 2013 г. было подписано соглашение между Индией и Китаем о военном сотрудничестве на границе, посредством которого предполагалось снизить напряженность на линии фактического контроля между государствами.

Стороны заявляют, что повестка РИК должна выходить на более высокий уровень. Сегодня вопросы обеспечения региональной и глобальной безопасности составляют первостепенное направление функциональной дея-

тельности РИК. При этом в повестку дня включен весь комплекс вопросов широкого регионального сотрудничества: работа в военно-технической сфере, повышение инвестиционного уровня, развитие экономических и инфраструктурных проектов (в т. ч. через соприкосновение инициативы «Один пояс – один путь» и Евразийского экономического союза). Помимо РИК, все три государства объединены членством в других многосторонних региональных форматах (G20, БРИКС и ШОС после присоединения Индии в 2018 г.; Россия и Китай – члены АТЭС). Считается, что РИК является встроенной конструкцией в структуры БРИКС и ШОС [Юртаев, Рогов 2017], что, впрочем, не умаляет его значимости. Россия, Индия и Китай будут вести сложную политическую игру, стремясь поддерживать конструктивные отношения между собой и одновременно не обострять тесные взаимосвязи с США [Панченко 2009, с. 8–9].

Треугольник США – КНР – Индия

Особое значение на стратегический баланс сил в XXI веке будет оказывать взаимодействие в треугольнике США – КНР – Индия [Paul, Underwood 2019]. Данный треугольник нельзя в полной мере назвать стратегическим. Индия не входит в число постоянных членов СБ ООН, а также не относится к числу наиболее сильных военных держав мира. Так, по Global Fire Power Index, страна занимает только 4-е место,

существенно отставая от США, РФ и КНР⁸. С другой стороны, по абсолютному размеру ВВП, измеренному по паритету покупательской способности, Индия занимает 3-е место (после КНР и США), почти в 2 раза опережая следующую за ней Японию⁹.

Несмотря на то, что ряд аналитиков верит в возможность «стратегической конвергенции» в данном треугольнике [Singh 2016], после прихода Д. Трампа США и КНР все чаще переходят к открытому противостоянию в контексте формирующейся «новой биполярности» [Дегтерев 2019]. В этом контексте возникает стратегическая неопределенность относительно того, какую сторону поддержит Индия. В сентябре 2019 г. «на полях» ГА ООН страна приняла участие как в консультациях формирующегося «четырехугольника безопасности» (США – Индия – Австралия – Япония), так и в консультациях по линии БРИКС¹⁰. Индия традиционно воздерживается от присоединения к военным блокам («стратегическая автономность»), что было в очередной раз подтверждено в 2012 г. в докладе влиятельных индийских исследователей «Неприсоединение 2.0». В докладе особо подчеркивается важность сохранения баланса в треугольнике Индия – США – КНР [Khilnani et al. 2012, p. 32].

На данный момент США и Индия не имеют договора о совместных действиях в сфере безопасности, однако уже подписали три из четырех наиболее важных «технических» соглашений для военного сотрудничества: Соглашение об обмене информацией военного ха-

8 2020 Military Strength Ranking // Global FirePower // <https://www.globalfirepower.com/countries-listing.asp>, дата обращения 25.08.2020.

9 GDP Ranking, PPP Based // The World Bank // <https://datacatalog.worldbank.org/dataset/gdp-ranking-ppp-based>, дата обращения 25.08.2020.

10 Chaudhury D. (2019) India's Fine Balancing Act with Quad and BRICS Meet in New York // The Economic Times, September 28, 2019 // <https://economictimes.indiatimes.com/news/defence/indias-fine-balancing-act-with-quad-and-brics-meet-in-new-york/articleshow/71338616.cms>, дата обращения 25.08.2020.

рактера (GSOMIA) в 2002 г., Меморандум о соглашении по логистическому обмену (LEMOA) в августе 2016 г. (позволяет использовать военные базы друг друга для заправки) и Соглашение о совместимости средств связи и безопасности (COMCASA) в сентябре 2018 г. [Roy-Chaudhury, de Estrada 2018, p. 189].

В СНБ США 2017 г. Индия объявлена главным партнером США в Индо-Тихоокеанском регионе¹¹. Индия является одним из крупнейших импортеров американского вооружения и в 2016 г. получила статус основного оборонного партнера (major defense partner). Между США и Индией также начались политико-дипломатические консультации (2+2), однако отмечается расхождение позиций стран по ряду вопросов. Будучи в «Квад», Индия не отказывается от участия в БРИКС, а недавно вошла и в ШОС, что рассматривает как проявление своей «стратегической автономности» [Pant, Rej 2018]. Тем не менее в последние несколько лет увеличивается «дрейф» Индии в сторону США.

Треугольники сирийского кризиса

В рамках урегулирования сирийского конфликта с середины 2016 г. все чаще апеллируют к треугольнику в составе России, Ирана и Турции, который получил дополнительный импульс после провала российско-американских переговоров в октябре 2016 г. Двусторонний посреднический трек по сути сменился на трехсторонний формат, известный также под названия-

ми «московский триумвират» и «астанинский треугольник»¹², который, по мнению экспертов, представляет собой адаптированную и минимизированную версию треугольника РИК [Гаспарян 2017, с. 37]. С точки зрения классификации сторон состав треугольника включает одну великую и две крупные региональные державы, поддерживающие при этом противоположные стороны в конфликте. 30 декабря 2016 г. было объявлено о введении в Сирии режима прекращения боевых действий при гарантиях участников треугольника, что усилило ощущение происходящей диверсификации акторов сирийского урегулирования. С января 2017 г. был дан старт практически ежемесячным Международным встречам по Сирии в Астане, которых всего насчитывается восемь.

Основой для геополитического взаимодействия трех стран послужило ситуативное сближение их интересов, обусловленное совокупностью внутренних и внешних факторов. В повестке трехстороннего формата значилась вполне конкретная задача – согласование позиций по урегулированию сирийского конфликта. Все три посредника выражают, пусть и в силу разных причин, общую заинтересованность в сохранении формального территориального единства Сирии. Однако интересы трех стран не располагаются на одном уровне. Интересы Турции имеют преимущественно локальный характер и ограничиваются севером территории. Для Турции жизненно важно предотвратить усиление курдов и возникновение единого курдского протогосударства у своих границ. Турция также

11 US National Security Strategy (2017) // The White House // <https://www.whitehouse.gov/wp-content/uploads/2017/12/NSS-Final-12-18-2017-0905.pdf>, дата обращения 25.08.2020.

12 Треугольник «Россия-Турция-Иран» и перспективы трансформации Большого Ближнего Востока (2017) // Ситуационный анализ // ИНИОН РАН. 2 марта 2017 // http://inion.ru/site/assets/files/1414/treugolnik_rf_iri_turtsiia_otchet.pdf, дата обращения 25.08.2020.

препятствует закреплению там военного присутствия Ирана и военизированных шиитских формирований. Шиитскому Ирану важно сохранить лидирующие позиции алавитов в Сирии на фоне вечного противоборства с арабскими суннитами. Россия решает не только внутренние сирийские вопросы, но совмещает их с глобальной повесткой: борьбой с терроризмом, усилением влияния на международной арене через возвращение на Ближний Восток и демонстрацию военно-дипломатического потенциала. Как и в случае РИК, треугольник Россия – Иран – Турция отличает разнонаправленность интересов сторон, в т. ч. в отношениях с США, которые по-прежнему влияют на действия двух других важных региональных акторов – Израиль и Саудовскую Аравию.

Итак, на сирийском направлении помимо двусторонних каналов усилилась дипломатическая работа по трехсторонней оси Россия – Иран – Турция. Усилия треугольника вполне ощутимы, о чем свидетельствуют конкретные результаты. По мере наполняемости треугольника конкретным содержанием озвучивались разные сценарии его развития: 1) сохранение треугольника при его нацеленности исключительно на решение ограниченного спектра вопросов на *ad hoc*-основе; 2) усиление трехстороннего формата и возможность его трансформации в конфигурацию с большим количеством сторон (Катар); 3) распад треугольника в силу сохраняющегося потенциала конфликтности внутри треугольника, а также влияния внешних факторов (США).

Треугольник поддерживался обоюдной заинтересованностью политических элит и необходимостью для каждой из сторон продолжать активную политику в регионе. Каждая из сторон при заинтересованности в сохранении единой Сирии и наличии своих особых

интересов рассчитывала на позитивный баланс выигрышей. Но астанинский формат при всех своих преимуществах не смог оставаться консолидированным и довольно скоро начал распадаться на отдельные элементы. Параллельно был запущен формально совмещенный с астанинским амманский канал в составе России, США, Иордании. Главной причиной определенной неустойчивости астанинской площадки был локальный характер влияния «на земле» вовлеченных в нее игроков (прежде всего Турции), помноженный на активность России в области развития двусторонних контактов с НВФ «на земле». Это потребовало выхода усилий по поддержанию РПБД в САР и обеспечению перемирия в зонах деэскалации за рамки астанинского формата и создания амманского «треугольника» [Ходынская-Голенищева 2018].

Заключение

Модель стратегического треугольника, впрочем, как и любую другую, с точки зрения объяснения сложных мировых процессов нельзя абсолютизировать. Тем не менее она продолжает присутствовать и влиять на международную политику. Второе десятилетие XXI века демонстрирует, что в международной системе по-прежнему актуальна конкуренция трех крупнейших мировых держав – США, России и Китая (одна традиционная, две восходящие державы), которые составляют стратегический треугольник. В нынешнем треугольнике, который не отличается симметричностью и глобальным охватом, США и Россия являются относительно равными сторонами в военном отношении, Китай приближается к США по экономическим показателям. Тенденция развития отношений в треугольнике за последние 5 лет де-

монстрирует, что связи РФ и США слабеют, а сотрудничество по линии РФ – КНР все больше укрепляется. Ожидается, что в экономической и гуманитарной сферах отношения РФ и КНР получат большее развитие, однако пока недостаточное для того, чтобы вступать в сравнение со связями КНР и США в данных сферах.

Очевидно, что между всеми сторонами треугольника сегодня нет четкого понимания стратегических взаимоотношений в долгосрочной перспективе. Но каждая из них по-прежнему ведет тонкое дипломатическое маневрирование в духе Киссинджера по сдерживанию друг друга. В настоящее время равновесие основано главным образом на соперничестве. США будут и впредь предпринимать усилия по сдерживанию экономического роста Китая и военной мощи России. Но конфронтация в треугольнике вряд ли будет переноситься в плоскость вооруженных столкновений.

Стратегическую неопределенность создают отношения в треугольнике США – КНР – Индия. Опасаясь роста мощи китайского соседа и несмотря на декларируемую «стратегическую автономность», Индия все больше «дрейфует» в сторону США в военно-политической сфере. В перспективе это может создать напряженность в рамках ШОС и БРИКС (путем уменьшения доверия в треугольнике РИК), а также изменить геополитическое равновесие в регионе.

Список литературы

- Байков А.А. (2017) Экономическая интеграция как мирополитическое явление. Очерк теории и методологии сравнительной оценки // *Контурь глобальных трансформаций: политика, экономика, право*. Т. 10. № 4. С. 38–53. DOI: 10.23932/2542-0240-2017-10-4-38-53
- Батрутдинова К.Р., Дегтерев Д.А., Степанова А.А. (2017) Отношения в треугольнике США-РФ-КНР: соблюдается ли формула лидерства Г. Киссинджера? // *Вестник международных организаций*. Т. 12. № 1. С. 81–109. DOI: 10.17323/1996-7845-2017-01-81
- Бобо Л. (2010) Россия, Китай и США: прошлое и будущее стратегического треугольника // *Russie. Nei. Visions*. No. 47. Париж: ИФРИ.
- Гаспарян В.З. (2017) Россия, Иран, Турция: проблемы и перспективы геополитического взаимодействия // *Архонт*. № 2. С. 37–40 // https://www.elibrary.ru/download/elibrary_30779511_41291482.pdf, дата обращения 25.08.2020.
- Дегтерев Д.А. (2019) Многополярный миропорядок: старые мифы и новые реалии // *Вестник Российского университета дружбы народов*. Серия: Международные отношения. Т. 19. № 3. С. 404–419. DOI: 10.22363/2313-0660-2019-19-3-404-419
- Елацков А.Б. (2015) Обобщенная модель «геополитического треугольника» // *Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики*. № 10. Ч. 3. С. 56–60 // https://www.elibrary.ru/download/elibrary_24155540_94859444.pdf, дата обращения 25.08.2020.
- Заиченко О.А. (2010) «Стратегические треугольники» как форма регионального сотрудничества: теоретический аспект // Буяров Д.В. (ред.) *Актуальные проблемы современности. Материалы 5-й Всероссийской научной практической конференции «Альтернативный мир»*. М. С. 87–94.
- Кременюк В.А. (2012) «Чем дальше в лес...»: нарастание неравномерности в треугольнике США-Китай-Россия // *Сравнительная политика*. № 4. С. 36–46. DOI: 10.18611/2221-3279-2012-3-4(10)-36-46
- Панченко М.Ю. (2009) Управление АТР на примере «стратегического тре-

угольника Россия-Индия-Китай»: меж-парадигмальный подход // Государственное управление. Выпуск № 21 // http://e-journal.spa.msu.ru/uploads/vestnik/2009/vipusk__21._dekabr_-2009_g./panchenko.pdf, дата обращения 25.08.2020.

Троицкий М.А. (2003) «Иллюзии треугольников» в современных отношениях России с Западом // Международные процессы. Т. 1. № 2. С. 101–107 // <http://intertrends.ru/system/Doc/ArticlePdf/830/Troitski-02.pdf>, дата обращения 25.08.2020.

Ходынская-Голенищева М.С. (2018) Сирийский кризис в трансформирующейся системе международных отношений. Диссертация на соискание ученой степени доктора исторических наук. М.: МГИМО.

Хуашэн Ч. (2019) «Новый треугольник» в отношениях между Китаем, Россией и США // Сравнительная политика. Т. 10. № 2. С. 69–85. DOI: 10.24411/2221-3279-2019-10017

Худайкулова А.В. (2016) Новое в управлении международными конфликтами // Международные процессы. Т. 14. № 4. С. 67–79. DOI: 10.17994/IT.2016.14.4.47.5

Юртаев В.И. (2017) Особенности региональной дипломатии Ирана в начале XXI века // Касюк А.Я., Харичкин И.К., Полищук А.И. (ред.) Сотрудничество России и Ирана в политической, экономической и культурной областях как фактор укрепления мира и безопасности в Евразии. Материалы Международной научно-практической конференции. М.: МГЛУ. С. 30–35.

Юртаев В.И., Рогов А.С. (2017) ШОС и БРИКС: особенности участия в процессе евразийской интеграции // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. Т. 17. № 3. С. 469–482. DOI: 10.22363/2313-0660-2017-17-3-469-482

Dittmer L. (1981) The Strategic Triangle: An Elementary Game-Theoretical Analysis // *World Politics*, vol. 33, no 4, pp. 485–515. DOI: 10.2307/2010133

Dittmer L. (2014) Japan, China and the American Pivot: A Triangular Analysis // *The Troubled Triangle* (eds. Inoguchi T., Ikenberry G.), Palgrave Macmillan, pp. 185–211.

Khilnani S., Kumar R., Mehta P.B., Menon P., Nilekani N., Raghavan S., Saran Sh., Varadarajan S. (2012) *NonAlignment 2.0. A Foreign and Strategic Policy for India in the 21 Century*, Center for Policy Research.

Kissinger H. (1979) *White House Years*, Boston: Little, Brown and Co.

Pant H.V., Rej A. (2018) Is India Ready for the Indo-Pacific? // *The Washington Quarterly*, vol. 41, no 2, pp. 47–61. DOI: 10.1080/0163660X.2018.1485403

Partem M.G. (1983) The Buffer System in International Relations // *The Journal of Conflict Resolution*, vol. 27, no 1, pp. 3–26. DOI: 10.1177/0022002783027001001

Paul T.V., Underwood E. (2019) Theorizing India-US-China Strategic Triangle // *India Review*, vol. 18, no 4, pp. 348–367. DOI: 10.1080/14736489.2019.1662190

Roy-Chaudhury R., de Estrada K.S. (2018) India, the Indo-Pacific and the Quad // *Survival*, vol. 60, no 3, pp. 181–194. DOI: 10.1080/00396338.2018.1470773

Singh A.G. (2016) India, China and the US: Strategic Convergence in the Indo-Pacific // *Journal of the Indian Ocean Region*, vol. 12, no 2, pp. 161–176. DOI: 10.1080/19480881.2016.1226752

SIPRI Yearbook 2018: Armaments, Disarmament and International Security (2018). DOI: 10.1093/sipri/9780199650583.003

Sweijts T., Oosterveld W., Knowles E., Schellekens M. (2014) Why Are Pivot States so Pivotal? The Role of Pivot States in Regional and Global Security, Hague: The Hague Centre for Strategic Studies.

DOI: 10.23932/2542-0240-2020-13-4-3

Geopolitical Triangles in the Context of International Security

Alexandra V. Khudaykulova

PhD in Politics, Associate Professor, Department of Applied Analysis of International Problems

MGIMO-University, Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation, 119454, Vernadsky Av., 76, Moscow, Russian Federation

E-mail: khudaykulova@mgimo.ru

ORCID: 0000-0003-0680-9321

CITATION: Khudaykulova A.V. (2020) Geopolitical Triangles in the Context of International Security. *Outlines of Global Transformations: Politics, Economics, Law*, vol. 13, no 4, pp. 53–73 (in Russian). DOI: 10.23932/2542-0240-2020-13-4-3

Received: 24.08.2019.

ACKNOWLEDGEMENTS: The study was carried out with the financial support of the Russian Foundation of Basic Research (RFBR) and the Autonomous Non-profit Organization Expert Institute for Social Assessment (EISA) within the framework of the scientific project No. 19-011-31389 “Traditional and emerging centers of power: discussions regarding sovereignty and conflict management”.

ABSTRACT. *Geopolitical triangles play an important role in changing the balance of power in the international arena in the context of competition between traditional and emerging powers. In political discourse, there are several different interpretations of the concept of “triangle”. The formation of triangles occurs under the simultaneous influence of two factors - the political strategy of the states and the geopolitical situation. The article explores the configuration of triangles in the post-bipolar world. Particular attention is paid to the selection criteria for countries lying at the top of triangles: these are either the most powerful states (both traditional and emerging powers), or pivot countries.*

In comparison to 1970-s with one strategic triangle (US-China-Russia) currently there are many regional geopolitical triangles, representing predominantly ascending centers of power, which affect not on-

ly regional security and maintain balance of power in the respective regions, but also have global impact. The article presents a theoretical overview of triangles based on an applied analysis of the US-China-Russia strategic triangle, as well as of two regional interaction schemes that are important for the Russian foreign policy strategy – Russia-India-China and Russia-Iran-Turkey.

The interaction in the strategic triangle of the RF-China-USA is analyzed in an article in the political sphere (within the framework of the UN, international institutes BRICS, SCO, EAEU, Belt and Road Initiative), in the economic and financial fields, infrastructural, scientific potentials are compared, as well as military potential and military technologies. For applied analysis of this traditional triangle, the theoretical scheme of L. Dittmer is used.

The conclusion is made about the ideal configuration of geopolitical triangles and the

redistribution of the power potential of traditional and emerging centers of power within the strategic triangle of the RF-PRC-USA.

KEY WORDS: *geopolitics, international security, tripartite diplomacy, strategic triangle, regional triangles, world order, national interests, new bipolarity*

References

- Badrutdinova K., Degterev D., Stepanova A. (2017) Interconnections among the United States, Russia and China: Does Kissinger's American Leadership Formula Apply? *International Organisations Research Journal*, vol. 12, no 1, pp. 81–109 (in Russian). DOI: 10.17323/1996-7845-2017-01-81
- Baykov A.A. (2017) Economic Regionalism as a Planetary Phenomenon. Theory and Methodology of Comparison. *Outlines of Global Transformations: Politics, Economics, Law*, vol. 10, no 4, pp. 38–53 (in Russian). DOI: 10.23932/2542-0240-2017-10-4-38-53
- Bobo L. (2010) Russia, China and the USA: Past and Future of the Strategic Triangle. *Russie. Nei. Visions*. No. 47, Paris: IFRI.
- Degterev D.A. (2019) Multipolar World Order: Old Myths and New Realities. *Vestnik RUDN. International Relations*, vol. 19, no 3, pp. 404–419 (in Russian). DOI: 10.22363/2313-0660-2019-19-3-404-419
- Dittmer L. (1981) The Strategic Triangle: An Elementary Game-Theoretical Analysis. *World Politics*, vol. 33, no 4, pp. 485–515. DOI: 10.2307/2010133
- Dittmer L. (2014) Japan, China and the American Pivot: A Triangular Analysis. *The Troubled Triangle* (eds. Inoguchi T., Ikenberry G.), Palgrave Macmillan, pp. 185–211.
- Elatkov A.B. (2015) A Generalized Model of the “Geopolitical Triangle”. *Historical, Philosophical, Political and Legal Sciences, Cultural Studies and Art History. Questions of Theory and Practice*, no 10, part 3, pp. 56–60. Available at: https://www.elibrary.ru/download/elibrary_24155540_94859444.pdf, accessed 25.08.2020 (in Russian).
- Gasparyan V.Z. (2017) Russia, Iran, Turkey: Problems and Prospects of Geopolitical Interaction. *Archon*, no 2, pp. 37–40. Available at: https://www.elibrary.ru/download/elibrary_30779511_41291482.pdf, accessed 25.08.2020 (in Russian).
- Huasheng Z. (2019) “New Triangle” in Relations between China, Russia and the USA. *Comparative Politics Russia*, vol. 10, no 2, pp. 69–85 (in Russian). DOI: 10.24411/2221-3279-2019-10017
- Khilnani S., Kumar R., Mehta P.B., Menon P., Nilekani N., Raghavan S., Saran Sh., Varadarajan S. (2012) *NonAlignment 2.0. A Foreign and Strategic Policy for India in the 21 Century*, Center for Policy Research.
- Khodynskaya-Golenishcheva M.S. (2018) *Syrian Crisis in a Transforming System of International Relations*. The dissertation for the degree of Doctor of Historical Sciences. Moscow: MGIMO (in Russian).
- Khudaykulova A. (2016) Conflict Management in the New Centura. Back to Proxy Wars? *International Trends*, vol. 14, no 4, pp. 67–79 (in Russian). DOI: 10.17994/IT.2016.14.4.47.5
- Kissinger H. (1979) *White House Years*, Boston: Little, Brown and Co.
- Kremenyuk V.A. (2012) “The Deeper into the Wood...”: Relations in the Triangle USA-China-Russia Are Increasingly Getting Uneven. *Comparative Politics Russia*, vol. 3, no 4, pp. 36–46 (in Russian). DOI: 10.18611/2221-3279-2012-3-4(10)-36-46
- Panchenko M.Yu. (2009) Governance in Asia-Pacific Region (Case of “Russia-India-China Strategic Triangle”): Inter-Paradigm Approach. *Public Administration*, no 21. Available at: http://e-journal.spa.msu.ru/uploads/vestnik/2009/vipusk__21._dekabr_2009_g./panchenko.pdf, accessed 25.08.2020 (in Russian).

Pant H.V., Rej A. (2018) Is India Ready for the Indo-Pacific? *The Washington Quarterly*, vol. 41, no 2, pp. 47–61. DOI: 10.1080/0163660X.2018.1485403

Partem M.G. (1983) The Buffer System in International Relations. *The Journal of Conflict Resolution*, vol. 27, no 1, pp. 3–26. DOI: 10.1177/0022002783027001001

Paul T.V., Underwood E. (2019) Theorizing India-US-China Strategic Triangle. *India Review*, vol. 18, no 4, pp. 348–367. DOI: 10.1080/14736489.2019.1662190

Roy-Chaudhury R., de Estrada K.S. (2018) India, the Indo-Pacific and the Quad. *Survival*, vol. 60, no 3, pp. 181–194. DOI: 10.1080/00396338.2018.1470773

Singh A.G. (2016) India, China and the US: Strategic Convergence in the Indo-Pacific. *Journal of the Indian Ocean Region*, vol. 12, no 2, pp. 161–176. DOI: 10.1080/19480881.2016.1226752

SIPRI Yearbook 2018: Armaments, Disarmament and International Security (2018). DOI: 10.1093/sipri/9780199650583.003

Sweijts T., Oosterveld W., Knowles E., Schellekens M. (2014) *Why Are Pivot States so Pivotal? The Role of Pivot States in Regional and Global Security*, Hague: The Hague Centre for Strategic Studies.

Troitsky M.A. (2003) “Illusions of Triangles” in the Current Relations of Rus-

sia with the West. *International Trends*, no 3, pp. 101–107. Available at: <http://intertrends.ru/system/Doc/ArticlePdf/830/Troitski-02.pdf>, accessed 25.08.2020 (in Russian).

Yurtaev V.I. (2017) Particularities of Iran's Regional Diplomacy at the Beginning of the XXIst Century. *Cooperation between Russia and Iran in the Political, Economic and Cultural Fields as a Factor in Strengthening Peace and Security in Eurasia*. Materials of the International Scientific-practical Conference (eds. Kasyuk I., Kharichkina I.K., Polishchuk A.I.), Moscow: Moscow State Linguistic University, pp. 30–35 (in Russian).

Yurtaev V.I., Rogov A.S. (2017) BRICS and SCO: Particular Qualities of Formation and Activities. *Vestnik RUDN. International Relations*, vol. 17, no 3, pp. 469–482 (in Russian). DOI: 10.22363/2313-0660-2017-17-3-469-482

Zaichenko O.A. (2010) “Strategic Triangles” as a Form of Regional Cooperation: Theoretical Aspect. *Actual Problems of Our Time. Materials of the 5th All-Russian Scientific-Practical Conference “Alternative World”* (eds. Buyarov D.V.), Moscow, pp. 87–94 (in Russian).